

АНАСТАСИЯ
АБРАМОВА

БАНДИТ.
Его училка

18+

Анастасия Абрамова

Бандит. Его училка

«Автор»

2026

Абрамова А.

Бандит. Его училка / А. Абрамова — «Автор», 2026

— Ваш сын написал, что хочет жить со мной, если вас убьют. — Я кладу перед Денисом Громовым школьную тетрадь. Девятилетний Митя весь урок пытался стереть последние слова, пока не протёр страницу. Теперь его отец сидит за детской партой и смотрит на меня так, что хочется отступить. Но в соседнем классе ждёт Митя, и я остаюсь на месте.— Вы всех отцов воспитываете, Ксения Андреевна? — Громов поднимается, и я невольно отодвигаю стул. В городе его фамилию произносят осторожно. Директор просила не ссориться с отцом, который помогает школе, а я требую, чтобы он хотя бы поговорил с сыном. Мальчик боится за него каждый день. Вскоре меня вынуждают уйти из школы, а Громов предлагает работу у себя дома. Я увижу, как он обнимает сына, узнаю, как целует женщину, которую хочет получить. И позволю ему остаться. Только после этого выясню, кому обязана своим увольнением.

© Абрамова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анастасия Абрамова

Бандит. Его училка

Бандит. Его училка

18+

Аннотация

— Ваш сын написал, что хочет жить со мной, если вас убьют. — Я кладу перед Денисом Грозовым школьную тетрадь. Девятилетний Митя весь урок пытался стереть последние слова, пока не протёр страницу. Теперь его отец сидит за детской партой и смотрит на меня так, что хочется отступить. Но в соседнем классе ждёт Митя, и я остаюсь на месте.

— Вы всех отцов воспитываете, Ксения Андреевна? — Громов поднимается, и я невольно отодвигаю стул. В городе его фамилию произносят осторожно. Директор просила не ссориться с отцом, который помогает школе, а я требую, чтобы он хотя бы поговорил с сыном. Мальчик боится за него каждый день.

Вскоре меня вынуждают уйти из школы, а Громов предлагает работу у себя дома. Я увижу, как он обнимает сына, узнаю, как целует женщину, которую хочет получить. И позволю ему остаться. Только после этого выясню, кому обязана своим увольнением.

Глава 1

В тетради моего ученика написано, что я буду его мамой, когда убьют папу. Последние слова стёрты так усердно, что бумага протёрлась. Митя держит ладонь на этом месте, пока я проверяю соседнюю работу, и я вижу под его ногтями катышки ластика. Девять лет. Я прошу детей убрать учебники, напоминаю о поделках для выставки и всё время слежу за его рукой. Когда звенит звонок, мальчик хватается тетрадь раньше, чем я успеваю к ней потянуться.

— Мить, останься, пожалуйста. — Я собираю рассыпавшиеся карандаши, чтобы дать остальным выйти. Ваня Крылов задерживается, надевая куртку, и смотрит на нас с такой неприятной улыбкой, что я отправляю его к гардеробу. Митя прячет тетрадь за спину. — Я прочитала. Ты слышал чей-то разговор?

Он качает головой. Я сажусь на соседний стул. Мы молчим, пока уборщица провозит по коридору ведро. Я вытаскиваю из сумки печенье, которое забыла съесть утром, предлагаю ему. Митя отламывает уголок и собирает крошки пальцем. Я уже готовлюсь звонить отцу, когда мальчик отодвигает тетрадь.

— Ваня говорит, таких пап убивают. — Митя смотрит на печенье, которое держит обеими руками. Я убираю телефон. — Мама умерла. Папу убьют. Ваня сказал, я никому не буду нужен.

— Я не хочу к тёте Оле насовсем, — говорит он и давит печенье ладонью. — Она хорошая. Но вы меня не боитесь. Ванина мама сказала, что все боятся. Даже директор.

— Мить, послушай меня. — Я сгребаю крошки салфеткой. Он сидит, опустив голову, и мне приходится подождать, пока посмотрит. — Ваня не знает, что будет с твоим отцом. И говорить так нельзя. Я поговорю с папой, хорошо?

— Только про маму не говорите! — Митя хватается меня за руку. У него дрожит губа, и я накрываю его ладонь своей. Он торопится объяснить, почему написал обо мне. — У папы уже была жена. Он рассердится. А я не хотел, чтобы он женился. Я хотел, чтобы вы со мной остались, если он тоже умрёт.

Денис Громов приезжает, уже когда дети ушли домой. Его сын ждёт с Тамарой Ивановой в соседнем кабинете, где всегда найдётся яблоко и занятие для рук. Я успеваю сменить туфли, подписать ведомость и трижды пожалеть, что вызвала этого человека. Он появляется без верхней одежды, в тёмном свитере, с коротко подстриженной бородой и свежей ссадиной на костяшке, на которую я невольно смотрю. Он тоже рассматривает меня, от макушки до измазанного мелом кармана, и даже не пытается скрыть этого. Я показываю на стул.

— Ваш сын сегодня написал, что хочет жить со мной, если с вами что-нибудь случится, — произношу я, оставляя тетрадь у себя. Обещание Мите приходится соблюдать хотя бы наполовину. Громов усаживается за первую парту. На маленьком стуле он выглядит нелепо, однако улыбаться мне не хочется. — Ему в классе говорят, что вас убьют. Это надо прекратить.

Он протягивает руку за тетрадь. Я отдаю, заранее закрыв листком первую половину страницы, и придерживаю бумагу. Мужчина читает несколько секунд. На его лице почти ничего не меняется, лишь большой палец мнёт уголок обложки. Я вдруг представляю, как он держал новорождённого сына этой широкой ладонью, и сержусь на себя за неуместную мысль. На собрания приходит сестра Дениса. Деньги на экскурсии Громов переводит в тот же день, как я напому, а с праздников ему, наверное, присылают видео. Снимает всегда водитель, стоя в дверях.

— Кто говорит? — спрашивает Громов. Я называю Ваню. Он возвращает мне тетрадь и достаёт телефон. — С его отцом я разберусь.

— Сначала поговорите с собственным сыном. — Я накрываю телефон раскрытой ладонью, прежде чем успеваю испугаться своей наглости. Он переводит глаза на мои пальцы. Я

убираю руку, но фразу договариваю. — Митя уверен, что вам нельзя задавать вопросы. Он даже о матери боится при вас вспомнить. Ребёнок должен знать, что вы его услышите.

Громов встаёт и подходит к учительскому столу. Я сижу по другую сторону и невольно отклоняюсь назад, когда он упирается ладонью в столешницу. Он ждёт. Дает мне время забрать свои слова, смягчить их, извиниться за тон. Я подтягиваю рукав, запачканный мелом, вспоминаю Митины пальцы на тетради и остаюсь на месте. Мне двадцать девять, а я боюсь, что он сейчас позовёт директора и пожалуется на меня.

— Вы всех отцов воспитываете, Ксения Андреевна? — Он берёт со стола мой карандаш, вертит между пальцами и кладёт обратно. Вопрос звучит почти лениво. — Или мне отдельное внимание?

— Тех, кто приходит, — отвечаю я. У него едва заметно дёргается щека. — Митя на прошлой неделе играл зайца. Вы обещали приехать. Он до конца спектакля искал вас в зале.

Громов смотрит на бумажную морковку, оставшуюся на шкафу после праздника. Сейчас скажет, чтобы я занималась уроками и не лезла к нему в семью. Он спрашивает, где Митя, и я провожаю его в соседний класс. Мальчик поднимается с пола, на котором раскладывал пазл, и замирает. Отец приседает перед ним. У него натягивается свитер на спине, и я отвожу глаза, стыдясь, что заметила, какие у него широкие плечи. Митя ждёт выговора. Громов тянет сына за рукав к себе и утыкается лицом ему в волосы. Мальчик держит руки вдоль тела, а я стою в коридоре и уже понимаю, что сейчас расплачусь.

Вера Петровна перехватывает меня после их ухода. Директор держит в руках распечатку жалобы, подписанной Алексеем Крыловым. Я успеваю увидеть слова о психологическом давлении на его сына и предвзятом отношении. Сегодня я остановила Ваню, когда он толкнул Митю у раковины. Взяла за локоть, развела мальчиков, отвела к завучу. Анна, Ритина мама, ждала у кабинета завуча. Она принесла дочери забытые лекарства и окликнула меня, когда Ваня снова рванулся к Мите. Я попросила открыть дверь и провела мальчиков мимо неё в кабинет. Теперь в жалобе написано, что я применила к ребёнку силу. Я прошу посмотреть запись школьной камеры. Директор отвечает, что сначала мы должны подумать о репутации учреждения, и впервые за все годы работы даже не предлагает мне сесть.

Телефон вибрирует, когда я выхожу на крыльцо. Незнакомый номер. В сообщении всего несколько слов, но я читаю их дважды. «Митя просит, чтобы вы занимались с ним дома. Назовите цену. Громов». Я убираю телефон в сумку и задерживаюсь под мокрым снегом. За стеклом кабинета директора горит свет. Она говорит с кем-то, прижав мобильный к уху, и, увидев меня, поворачивается спиной. Снова достаю телефон. Начинаю печатать отказ, но за стеклом директор сердито машет секретарю, чтобы та закрыла жалюзи. Я так и остаюсь с недописанным сообщением в руке.

Глава 2

На столе директора лежит готовое заявление об увольнении. Внизу оставлено место для моей подписи. Всё напечатали за меня, даже причину ухода. Я сажусь, не снимая пальто. Вера Петровна двигает ко мне ручку, которой обычно подписывает грамоты, и начинает говорить о сложившейся обстановке. Через стекло книжного шкафа я вижу своё отражение. Красный нос, растрёпанные волосы.

— Запись, — перебиваю я и убираю ручку к краю. — Покажите запись из коридора. Там видно, как Ваня толкнул Митю. Я удержала ребёнка за локоть. Вы сами вчера сказали, что камера работает.

— Жалобы уже две. — Директор складывает ладони и смотрит на меня так, словно я сама принесла ей эту неприятность. — Мать Вани присоединилась к мужу. Потребуют служебной проверки, придётся временно отстранить вас от занятий. Дети получают другого учителя. Вы этого хотите?

— Я хочу, чтобы вы посмотрели запись, — отвечаю я, сжимая ремень сумки. Директор вздыхает. Мне знаком этот вздох, раньше им встречали наши просьбы купить пособия. — Если нужна проверка, проводите. Я ребёнка не била. Вы это знаете, Вера Петровна.

— Вы ведь сами понимаете, как это разойдётся. — Она наконец смотрит мне в лицо. — Сегодня жалоба, завтра фотографии в родительских чатах. Уйдёте спокойно, получите хорошую характеристику. Найдёте место, пока всё не стало хуже.

Я поднимаюсь так резко, что цепляю коленом стол. Боль помогает не заплакать. Я могу потребовать письменного решения и обратиться в отдел образования. В коридоре Тамара Ивановна хватает меня за рукав. По тому, как она молчит, я понимаю, что знает.

Мы идём в пустую учительскую. Она приносит воду в стакане, я пью, проливая на пальто, и злюсь на эту слабость ещё больше, чем на директора. Тамара предлагает идти вместе и требовать комиссию. Я киваю, беру телефон, открываю родительский чат. Там уже написали, что учительницу временно заменят по семейным обстоятельствам. Вера Петровна успела придумать даже мою семью. В ответ сыплются вопросы. Кто-то благодарит за предупреждение. Мать Вани просит не обсуждать деликатную ситуацию публично, и это осторожное слово делает меня виноватой убедительнее любого обвинения.

— Я не подпишу сегодня, — говорю я Тамаре Ивановне, стирая слёзы ладонью. Она подаёт мне салфетку, но я уже размазала тушь до скулы. — Пусть даст мне копию жалобы. И запись сохранит. Напишите ей со мной, пожалуйста. Чтобы она не сказала, что я ничего не просила.

Мы составляем короткое обращение и относим секретарю. Она ставит отметку на моей копии, долго ищет дату на настольном календаре, а я всё смотрю на дверь своего класса. Забираю бумагу и иду за книгами и фотографиями. Детей привели на музыку, и пустые парты выглядят до тошноты аккуратными. На доске осталось моё домашнее задание. Я провожу по нему влажной губкой, стираю половину строки и останавливаюсь. Я ещё не уволилась. Почему собираю вещи, будто уже согласилась? Бросаю губку в лоток, а книги всё-таки уношу. Не могу оставить их здесь.

— Дочка, что случилось? — Мама звонит, когда я разбираю принесённые книги. Слышу её голос и принимаюсь расставлять тома по росту, лишь бы чем-то занять руки. Рассказываю про жалобу, стараюсь не заплакать. Она выслушивает и уже собирается ко мне. — Привезу тебе еды. Денег немного есть. Разберёмся, слышишь? Тебе не нужно всё это одной терпеть.

— Не надо меня жалеть! — выкрикиваю я, роняя книгу. Мама затихает. Она живёт в соседнем городе, работает в аптеке и в любую беду едет ко мне с котлетами. Я сижу на полу и

уже стыжусь своего крика. — Прости. Мам, я не знаю, что делать. У меня за квартиру скоро платить, а они меня в чате обсуждают, будто я преступница.

После разговора я открываю сообщение Громова и печатаю отказ. Стираю. Пишу, что согласна обсудить занятия без проживания. Он звонит, едва я отправляю текст. На заднем фоне слышится улица, шум двигателя и чьё-то приглушённое ругательство. Я предлагаю три занятия в неделю по полтора часа и называю обычную для себя цену. Пока он молчит, считаю, на что мне хватит этих денег. За квартиру заплачу из отложенного на отпуск, на остальное придётся искать ещё учеников. Отдельно оговариваю, что приезжаю заниматься, а жить у них и заменять няню не буду. Мите по-прежнему нужна школа.

— Приезжайте сегодня, поговорим, — произносит Громов. Я называю время и слышу, как он повторяет его кому-то рядом. — За вами пришлю Сергея. Адрес напишите ему. И, Ксения, из школы вас уже убрали?

— Откуда вы знаете, что меня... убрали? — спрашиваю я. Громов произнёс это так, словно мы вчера обсуждали увольнение. Я прижимаю телефон крепче, перестаю перебирать бумаги. — Мы с вами об этом не говорили.

— Митя позвонил моей сестре. У них новый учитель, — отвечает Денис. Где-то рядом с ним хлопает багажник, я слышу быстрые шаги и мужской голос. — Ксения, я предлагаю работу. Уроки, деньги за уроки. Митя вас ждёт. Остальное обсудим при встрече.

Сергей оказывается спокойным мужчиной лет сорока пяти. Он не лезет с расспросами, помогает поставить сумку с пособиями на сиденье и везёт меня за город. Дом Громова стоит среди сосен. Из кухни пахнет жареным луком, где-то работает телевизор, на ступеньке валяется детская перчатка. Меня встречает Ольга, невысокая женщина с заколотыми карандашом волосами. Она рассказывает, где занимается Митя, просит посмотреть принтер, который опять зажевал бумагу, и умолкает на полуслове. Из глубины дома выходит Денис с белым полотенцем, прижатым к руке.

На ткани расплзается красное пятно. Он замечает мой взгляд, убирает полотенце за спину и просит сестру отвести Митю наверх. Ольга исполняет просьбу без удивления. Я слышу, как мальчик радостно выкрикивает моё имя, и делаю шаг ему навстречу. Громов касается моего локтя, задерживая. На светлом рукаве остаётся кровавый след. Я смотрю на него, ещё не понимая, что это моя блузка испачкана чужой кровью. Мужчина замечает пятно и отпускает меня. Сергей опускает глаза. Утром я боялась, что останусь без заработка, а теперь стою в чужом доме и пытаюсь понять, где Денис так разбил руку и почему его сестра даже не спросила об этом.

Глава 3

— Вы ударили человека? — спрашиваю я, когда шаги на лестнице стихают. Денис рассматривает мою испачканную блузку. Я убираю руку. — Я буду заниматься с вашим сыном. Мне нужно понимать, что он здесь видит.

— Сын ничего не видел, — отвечает Громов. Он берёт у Сергея чистую салфетку, прижимает к содранным костяшкам. Теперь я вижу, что кровь его собственная. — Мужчина, которому я заплатил за работу, решил, что можно получить дважды. Мы выяснили, что нельзя.

Сергей уходит, а с лестницы меня зовёт Митя. Он обещает показать корабль, который склеил сам. Громов предлагает оплатить чистку блузки. Я почти смеюсь. Он кого-то бил, вернулся к сыну с окровавленной рукой, а теперь собирается заплатить за мою блузку, словно на этом мы и закончим разговор. Я прошу показать, где можно вымыть руки. В ванной долго держу ткань под холодной водой, пока красное не становится бледно-розовым.

Митя встречает меня у письменного стола, заваленного дорогими наборами. Корабль у него кривоватый, зато паруса вырезаны из настоящей простыни. Мальчик рассказывает об этом с осторожной гордостью, проверяя, не собираюсь ли я ругать за испорченное бельё. Я спрашиваю, куда судно отправится. Он пожимает плечами и называет папин кабинет. Громов обещал поставить модель там, когда будет готова. Мы убираем со стола краски, достаём учебник, и ребёнок засыпает меня вопросами о школе.

Я отвечаю честно, насколько могу. Пока моих уроков не будет, с классом занимается другая учительница. Это не его вина. Последнюю фразу приходится повторить, потому что Митя старательно переписывает пример и делает вид, что не слышит. Он путает цифры в вычитании, откидывает карандаш, зло трёт глаза. У меня вырывается привычное «Ну что же ты», и я замолкаю. Утром директор тоже говорила со мной этим усталым, укоризненным тоном. Я до сих пор слышу её голос, а сама уже так же вздыхаю над Митиной тетрадью. Я подвигаю к нему чистый лист и предлагаю разобрать задачу на его кораблях. Через четверть часа он смеётся, доказывая, что пиратам нельзя раздавать яблоки поровну.

Денис останавливается за нашими спинами. Мальчик выпрямляется, закрывает смешной рисунок учебником и тянется к тетради, где остались ошибки. Громов спрашивает, почему они ещё не исправлены.

— Мы ещё занимаемся. — Я подвигаю учебник, закрывая от него тетрадь. Митя перестаёт терзать карандаш. — Когда закончим, Митя сам вам покажет. Принесёте нам воды?

Мальчик смотрит на меня так, будто я попросила отца полететь. Громов поворачивает голову, проверяя, не шучу ли я. Я выдерживаю его взгляд, хотя понимаю, что нарочно испытываю его терпение. Он уходит. Я слышу, как внизу открывают шкаф, звякает стекло. Воду приносит сам, ставит два стакана на свободный край стола, задерживается. Митя начинает рассказывать про пиратов. Отец слушает, трогая пальцем кривой парус, и я успеваю заметить, как мальчик придвигает корабль к нему поближе.

— Сумму я уже называла. — Я зачёркиваю напечатанную цифру и вписываю свою. Мы в кабинете, передо мной условия, подготовленные бухгалтером Дениса. Он усмехается, но не спорит. — Платите за проведённые занятия. Если нужна машина, я попрошу. И ещё. Мите нужна школа. Вы ведь понимаете, что уроки со мной её не заменят?

— Переведу, когда разберусь с Крыловым, — говорит Денис, постукивая пальцем по столу. Я прошу обойтись без разборок при детях. Он смотрит на выстиранную блузку, и мне отчего-то становится жарко. — Вы из-за рукава весь вечер меня будете воспитывать? Я услышал. При сыне этого не будет. Вам страшно, а вы всё равно приказываете, — говорит он, забирая лист. Денис наклоняется, чтобы открыть нижний ящик стола, вытаскивает пачку бумажных салфеток. — Рукав мокрый. На улице холодно.

Я беру салфетки. Он старше, опаснее всех мужчин, с которыми я имела дело, и явно привык, что к нему тянутся. Я напоминаю себе о крови на полотенце. О собственном унижении в школе. Громов наблюдает, как я промокаю ткань, и спрашивает, кто будет помогать мне с жалобой. Я называю Тамару Ивановну. Она знает школу и родителей, но против Крылова у нас на двоих только моя копия заявления.

— Могу дать юриста, — предлагает он. Я благодарю и отказываюсь до тех пор, пока не получу копию записи. Он берёт со стола маленький корабль, который Митя успел принести следом за нами. — Крылов умеет затягивать такие вещи. Вы быстро устанете.

Дома я нахожу в сумке ученическую открытку. Митя сунул её между пособиями, пока я была внизу. Там нарисованы корабли, отец и я с огромной красной сумкой. Под рисунком он написал, что очень рад моей новой работе. Я ставлю открытку на подоконник, сажусь на кровать и наконец плачу без попыток остановиться. От детской радости, от собственного согласия, от того, что мне понравилось, как Громов произнёс моё имя. Телефон звонит долго. Я не беру, пока не вижу сообщение Веры Петровны. Она просит завтра принести подписанное заявление. Крылов согласен больше не поднимать жалобу, если я уйду по своей воле.

Глава 4

Я подписываю заявление с такой силой, что на бумаге остаётся борозда. Вера Петровна придвигает второй лист, однако я закрываю его ладонью. Отказа от претензий не будет. Запись я по-прежнему прошу сохранить, копию жалобы забираю, и свою невиновность доказывать собираюсь. Директор поджимает губы. Она явно рассчитывала, что уставшая женщина согласится на всё, лишь бы разговор закончился. Вчера я до ночи смотрела вакансии, звонила знакомым. Утром пришла к своему кабинету и услышала из-за двери, как другая учительница объясняет детям задачу. Постояла с ключом в руке и ушла к директору. Я могу ещё месяц приходить сюда и требовать, чтобы меня впустили. Только сегодня сил хватило дойти до этого стола. Подписываю, потому что больше не могу каждый день просить разрешения делать свою работу, а не потому, что согласна с жалобой.

Тамара Ивановна ждёт меня в гардеробе. Я отдаю ей запасной ключ от шкафа с пособиями и вдруг вспоминаю, что там осталась моя зимняя обувь. Приходится возвращаться. До шкафа я дохожу, глядя в пол, лишь бы никто из детей не выбежал навстречу. Пока я складываю ботинки в пакет, дети проходят из столовой. Рита замечает меня первой и бросается обнимать. За ней ещё несколько. Они цепляются за пальто, спрашивают, когда я вернусь, жалуются, что новая учительница стирает с доски слишком быстро. Я отвечаю каждому и держусь, пока Митя не останавливается в стороне. Он уже знает, что у меня будет для него время.

Вечером Анна, мать Риты, приглашает меня встретиться. Мы садимся в маленьком кафе напротив школы. Здесь пахнет горячим тестом, за прилавком работает старенький телевизор, а я крошу вилок сырник, который не могу проглотить. Анна рассказывает, что Ваня хвастался увольнением учительницы. Рита услышала и пересказала дома. Есть родители, готовые подписать обращение с просьбой разобраться.

— Я видела, как вы их разнимали, — говорит она. Я вспоминаю её у двери завуча и пакет с лекарствами в руке. Тогда я была так зла на Ваню, что почти не ответила ей. — Вера Петровна об этом знает. Я ей звонила. Она сказала, что вы устали и давно хотели уйти. Поэтому я и попросила вас встретиться.

Я перестаю крошить сырник. Анна протягивает салфетку, потому что у меня дрожит рука. Мы договариваемся, что она письменно изложит увиденное. Я выйду на связь с остальными родителями через Тамару, не втягивая детей. Дома я составляю обращение и отправляю его в школьную почту с просьбой рассмотреть жалобу по существу. Подпись уже поставлена, но я не согласна оставаться женщиной, которая ударила ребёнка.

К Грозовым я приезжаю на автобусе. Денис встречается меня на дорожке, смотрит на промокшие сапоги и спрашивает, зачем я отказалась от машины. Я отвечаю, что умею добираться сама. Он собирается что-то возразить, однако Митя зовёт нас смотреть ледяную лужу, в которой застрял корабль. Модель из пластика, парус уже сломан. Отец приседает, достаёт её голыми пальцами из грязной воды, ругается вполголоса. Я достаю бумажную салфетку, но Митя уже суёт ему свою варежку. Денис смотрит на неё и смеётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.